

Центр национальной славы
Фонд Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Санкт-Петербургский государственный университет
Администрация Новгородской области

Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века

Материалы Всероссийской научно-общественной конференции

(Великий Новгород, 19 сентября 2012 г.)

Москва
Научный эксперт
2013

УДК 316.244(470+571)(063)

ББК 60.031(2Рос)я431

Р-76

Р-76 Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всеросс. науч.-обществ. конф., 19 сентября 2012 г., Великий Новгород. М.: Научный эксперт, 2013. — 992 с.

ISBN 978-5-91290-200-0

Предлагаемый сборник материалов содержит доклады и выступления участников конференции «Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века».

Материалы публикуются в авторской редакции.

Издание предназначено для политиков, историков, культурологов, представителей властных структур, преподавателей и студентов вузов, а также для всех, кто интересуется прошлым, настоящим и будущим России.

УДК 316.244(470+571)(063)

ББК 60.031(2Рос)я431

ISBN 978-5-91290-200-0

бавив процесс обучения от излишнего технологизма и функционализма. Тогда возможно будет представлять опыт созерцания и как опыт духовно-эмоционального переживания, как опыт представления своей внутренней субъективности. В этом и есть задача гуманитарного образования. Передать этот непрожитый, но пережитый учеником на уроке «чужой» опыт и ощутить его как свой собственный. Момент передачи или ретрансляции и может стать моментом приобщения к своей национальной истории, языку, культуре.

В свое время наши русские религиозные мыслители предостерегали нас от тех возможных потерь, которые сегодня, к сожалению, уже произошли в нашей жизни. Они предупреждали нас «о необходимости сохранения русского народа» как такового, о его физическом и духовном выздоровлении, о пробуждении его национального самосознания и о верности «русской идеи», противостоящей цинизму, мещанству и пошлости, несущих угрозу современной цивилизации. На все эти вызовы времени нам предстоит дать собственный ответ в XXI веке, если мы, конечно, хотим окончательно не утратить «человеческое в человеке» и не разрушить единство, целостность и непрерывность развития русской истории, государства и мира.

Государство, личность, спасение: ценностные коллизии в творчестве Д.М. Балашова

Любомудров А.М.

Тема российской государственности неизменно волновала Д.М. Балашова — исторического романиста, не случайно выбравшего местом своего проживания Великий Новгород. Она постоянно звучала в его публицистике, всегда острой и бескомпромиссной. Балашов выступал в защиту национального достоинства русского народа, целостности Российской державы, обличал политиков, предавших национальные интересы в перестроечную эпоху. Анализ причин, поставивших Россию на грань исторического существования, конструктивная программа спасения государства от расчленения и гибели предложены писателем, например, в работе «Заметки на полях истории» («Наш современник», 2000, № 12).

Тема становления российской государственности была центральной и в художественном творчестве Балашова — автора уникальной эпопеи «Государя Московские», за которую он был удостоен Большой Российской литературной премии. Соединение эпичности с напряженными нравственно-психологическими коллизиями, духовное содержание русской истории, высокие художественные достоинства поставили романы Балашова в ряд серьезных реалистических произведений, повествующих о мире и человеке.

Описываемый период (XIII–XIV века) был одним из самых тяжелых в истории страны. Распавшаяся на десятки княжеств, захлестываемая с юго-востока Ордой, а с запада Литвой, Русь находилась на краю гибели. И все-таки, выстояв в труднейших исторических испытаниях, сумела выжить и сохранить свою самостоятельность. По своей трагической напряженности, по заостренности коренных вопросов национального и государственного бытия эта эпоха оказывается родственной нашему времени: сегодня снова встает вопрос о самом существовании России, ее земли, культурно-духовной независимости. В XIV веке Русь смогла найти силы, чтобы выстоять и возродиться. Как произошло это возрождение? Какие опоры оказываются незыблемыми, когда решается участь народов и государств? В сегодняшнем тревожном мире ответы должны быть найдены точно и безошибочно.

В данной работе мы остановимся на одном аспекте романов Балашова — этике власти. Природа власти, отношение к ней правителя, вся совокупность связанных с ней этических проблем — идейно-художественное ядро «Государей Московских». В основе этой проблематики лежат вопросы, значимые и жизненно важные для каждого человека: цель и средства, долг и совесть, «польза» и доброта. То, что героем художественного произведения становится государь, лишь обнажает и заостряет эти проблемы, придает им крупный масштаб, позволяет яснее проследить последствия того или иного выбора. Не случайно темы правителя и власти занимали важное место в русской классике («Борис Годунов» А.С. Пушкина, драматическая трилогия и «Князь Серебряный» А.К. Толстого), где они неизбежно сопрягались с проблемой нравственного выбора. Мысль о том, что «ничто не может нас среди мирских печалей успокоить; ничто, ничто... едина разве совесть» («Борис Годунов»), относилась, конечно, не только к личности государя, но имела общечеловеческое значение. Из глубины времен, из древнерусских исторических сочинений, где темы правителя и власти, цели и средств всегда занимали важнейшее место, через Пушкина, увидевшего и утвердившего непреходящую значимость этических принципов и идеалов средневековой Руси, эта проблематика переходила в книги русских мыслителей и философов XIX–XX столетий, в творчество Ф.М. Достоевского, снова указавшего на гибельность всякого оправдания «крови по совести».

И этот традиционный для русской культуры вопрос о правомочности тех или иных средств для достижения цели обретает особую актуальность, когда речь идет о сохранении страны. Суть основного этического конфликта, связанного с образами людей, облеченных властью (великих и удельных князей, митрополитов, тысяцких, знатных бояр, воевод), в романах Д. Балашова заключается в том, что в сознании героя сталкивается стремление к высокой и праведной цели, благу государства — и необходимость применения жестоких, часто неправедных средств для ее достижения.

Как же выглядит художественное воплощение этой коллизии в «Государях Московских», как соотносится предложенное автором ее разрешение со средневековыми, точнее, христианскими представлениями, запечатленными в древнерусской культуре?

Борьба за великое княжение московского князя Юрия с тверским Михаилом — одна из главных сюжетных коллизий романа «Великий стол» (1979). На его страницах воссоздан образ Михаила Тверского — князя-мыслителя, труженика и воина. Получив ярлык на великое княжение, Михаил ощущает власть как нелегкое бремя, которое он должен неустанно нести до конца дней. Власть для него сопряжена с величайшей ответственностью — перед судом истории, перед «землей», вверенной ему. Все его дела направлены на то, чтобы собрать княжества воедино, спасти народ, сохранить веру: «его вышний долг — блюсти Русь...» Со всей остротой встает перед Михаилом вопрос: допустимо ли зло ради общего блага? Князь Михаил стремился жить и поступать по правде — без преступлений и обмана. Однако «доброта давалась все трудней и трудней...». В «Великом столе» Д. Балашов показывает, в каком порой трагическом положении оказывается человек, наделенный высшей властью. Ее бремя с неумолимой силой принуждает к жесткости и жестокости, и выбирать приходится часто не между добром и злом, но между злом большим и злом меньшим. Встречая постоянное, открытое или глухое сопротивление своим начинаниям, Михаил вынужден прибегнуть к насилию, пролить кровь.

Сегодня известно, что в первой четверти XIV века русская государственность была сохранена благодаря усилиям Михаила Тверского. Значение Михаила как исторического деятеля во многом определено величием его личности, его человеческими качествами, чистотой побуждений, обостренной совестью. Необходимость жестоких мер вызывает у него глубокий внутренний протест, искреннее покаяние.

Московский князь Юрий — антипод и первый враг Михаила — по своему тоже сильная личность: у него есть и смелость, и твердость воли. Но в отличие от Михаила, твердость эта — «не разбирающая путей, безразличная к добру и злу». Жажда великого княжения постепенно завладевает всем его существом, вырастает в мучительную страсть — «похоть власти»; ненависть к сопернику — в неистовое желание его смерти. Ему неведомы муки совести. Вся жизнь Юрия превращается в цепь преступлений, все более страшных. И когда Михаил казнен, а ставший ханским зятем клеветник и убийца Юрий достигает, наконец, власти, кажется, что прав именно он. Но победа зла временна. История как бы дает возможность правителю показать свои способности, до конца раскрыть себя, чтобы потом уже вынести неотвратимый приговор и привести его в исполнение: через три года, прельстившись серебром, Юрий утаил ордынскую дань, впал в ханскую немилость и бесславно погиб в Орде.

В «Великом столе» воплощена взаимосвязь личности правителя и судьбы вверенной ему «земли» — государства. Праведный, мудрый правитель приносит стране мир и спокойствие, собственным примером способствуя общему нравственному возрождению. Михаил — настоящий хозяин своей земли, и народ, хотя и с запозданием, откликается благодарностью за его труды. Напротив, неизмеримо велики бедствия народа, оказавшегося под властью преступника, сидящего за кремлевскими стенами Москвы.

Д. Балашов решительно отходит от нередкого в историко-художественной литературе отождествления личных нравственных качеств и государственно-политических заслуг исторического лица. Очень часто, например, герои, способствующие возвышению и укреплению Москвы, однозначно расценивались как сугубо положительные; напротив, все соперники московских князей рисовались как недальновидные эгоисты, изменники и т. п. Москве было суждено стать центром Руси, но далеко не каждый московский князь оправдан лишь тем, что боролся за великое княжение. Важно то, как он добивался результата, каковы были при этом его намерения, побуждения, помыслы. В романах «Младший сын» и «Великий стол» Д. Балашов, следуя традиции древнерусской литературы, разделяет историческую необходимость и личную нравственную ответственность за содеянное. Заметим, что в народе почитались как святые и были канонизированы Русской Церковью и московский князь Даниил, и тверской Михаил.

В двух следующих книгах цикла — «Бремя власти» (1981) и «Симеон Гордый» (1983) — проблематика власти, развиваясь и углубляясь, обретает все более сложный и подчас противоречивый характер.

Очень непросто оценить личность и деятельность московского князя Ивана Даниловича Калиты. Исторические источники содержат разноречивые свидетельства об этом правителе. Известно, что Калита был скромным и «смирным», щедро раздавал милостыню — и в то же время был вероломен и хитер. Обманами, лестью добиваясь расположения Орды, губил князей-соперников — и укреплял Московское княжество. Но какой ценой? В деятельности Калиты «отсутствуют мотивы национально-освободительной борьбы... этот князь жестоко подавлял те стихийные народные движения, которые подрывали основы господства Орды над Русью... — пишет историк Л.В. Черепнин. — Жестоко расправляясь со своими противниками из числа других русских князей, не брезгуя для этого татарской помощью, Калита добился значительного усиления могущества Московского княжества, а это содействовало процессу государственной централизации»¹¹⁹.

Но каким человеком был Калита? Как сам он расценивал свои «неблагovidные приемы» и «отрицательные черты»? Оправдывал себя или осуждал?

¹¹⁹ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 512–513.

Свой ответ предлагает Д. Балашов, рисуя характер князя. Иван, став великим князем, укрепляет землю. Высокая цель направляет его мысли и дела — спасение народа, «языка русского». Как и для Михаила Тверского, власть для него — бремя, сопряженное с величайшей ответственностью перед небом и «землей» — людьми. Но если для Михаила вся тяжесть этого бремени заключалась в мучительных нравственных переживаниях, в поиске праведных путей, то Калита все более и более склоняется к тому, чтобы укреплять государство любой ценой, любыми средствами. Бремя власти становится для Ивана бременем совершенных грехов. Добиваясь политических выгод, он творит одно преступление за другим: губит в Орде соперников, грабит и разоряет соседние княжества, «торгует» дочерьми-невестами.

При этом Калиту не назовешь ни властолюбивым, ни корыстным: он собирает огромные богатства, он жаждет удержать и распространить власть действительно «не для себя». Подлинная и единственная страсть Ивана, в жертву которой приносится все и вся, — это «благо народа русского». *Зло для блага Руси* — так можно сформулировать центральную этическую проблему романа. И если в «Бремени власти» эта проблема поставлена, то в «Великом столе» совершенно определенно разрешена. Калита сознательно встает на путь зла: «Много я натворил... такого, о чем лучше не сказывать... И ныне творю... А токмо — надобно сие! Для всей Руси Великой!. Для всех, для всего люда русского!» Ход мысли Калиты приводит к выводу: только изменив правде, и можно спасти Русь.

Авторскую интерпретацию проблемы «власти и совести» не следует сводить к упрощенным схемам. Д. Балашов показывает, что человек с обретением полноты власти оказывается на совершенно особом месте — подчас месте лобном, чрезвычайно ограничивающем его внешнюю свободу. Это представление всецело совпадает с идеями русской культуры, где всегда жило сознание драматичности положения человека, возведенного на престол, понимание того, что власть неизбежно связана с принуждением, страхом, насилием, кровью — без чего было бы невозможным выполнение долга правителя. В этом отношении характерно свидетельство «Повести временных лет» — диалог между принявшим христианство князем Владимиром Киевским, усомнившимся в своем праве осуждать преступников на смерть, и владыками духовными — епископами: «...и реша епископи Володимеру: “Се умножишася разбойници; почто не казниши их?” Он же рече им: “Боюся греха”. Они же реша ему: “Ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милованье. Достоит ти казнити разбойника...”»¹²⁰.

О том, возможно ли и в какой мере возможно в «царстве земном» совмещение «божьего» и «кесарева», евангельских заповедей и государственных законов, размышляли и книжники Древней Руси, и философы позднейших веков. «Русская духовность делит мир... на два — удел света и удел мрака;

¹²⁰ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 86–87.

и ни в чем это не ощущается так резко, как в вопросе о власти. Божье и Антихристово подходят друг к другу вплотную, без всякой буферной территории между ними; все, что кажется землей и земным, — на самом деле или Рай, или Ад; и носитель власти стоит точно на границе обоих царств, — пишет С.С. Аверинцев. — ...Для русских антиномий, заключенные во власти над людьми, в самом феномене власти, оставались из века в век... не столько задачей для рассудка, сколько мучением для совести»¹²¹.

Однако на протяжении тех же столетий постоянно и, безусловно, осуждались властолюбцы, те правители, для которых власть переставала быть крестом и превращалась в самоцель. Русской культурно-исторической традиции был чужд макиавеллизм — узаконенное, «оправданное» достижение успеха и выгоды государства путем преступлений и злодеяний. Нравственный облик государя рассматривался как один из факторов благоденствия державы. Неприемлемость пути зла составляет существо исконной нравственной традиции русской мысли и обнаруживается еще в «Повести временных лет»: «Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог на страну ту, потому что князь глава земли»¹²².

Спустя века эта же мысль нашла классическое выражение в строках трагедии А. К. Толстого «Царь Борис»:

От зла лишь зло родится — все едино:
Себе ль мы им служить хотим иль царству —
Оно ни нам, ни царству впрок нейдет!¹²³

Герой Д. Балашова, Иван Калита, убежден, что творимое им зло пойдет «впрок» Руси. Сострадавая замученным им жертвам, слыша голос совести отчетливо и постоянно, Калита испытывает муки, достигающие необычайной силы. Д. Балашов создал характер, который, кажется, не встречался еще в русской литературе: грешник-страдалец, добровольный мученик своих злодеяний. «Я, возможно, гублю душу, и это самая страшная жертва за друзей своя!» — восклицает Иван.

Но мог ли действительно произнести такую фразу средневековый человек, для которого за этими словами стояла не условная метафора, но вполне конкретная — и страшная — реальность? Евангельские слова: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоан. 15:13) — могут служить эпиграфом к многим героическим страницам истории Русского государства. Они постоянно звучат в древнерусских описаниях битв и выражают те чувства, с которыми русские воины шли на защиту страны. Слово «душа» имело в старославянском языке несколько значений,

¹²¹ Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 9. С. 234–235.

¹²² Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. М., 1980. С. 155.

¹²³ Толстой А.К. Избранные произведения. Л., 1980. С. 702.

и в данной фразе означало «жизнь» — физическое существование. Отдавая за ближних свою «душу»-жизнь, человек мог спасти тем самым «душу»-дух, что видно, например, из отрывка «Повести временных лет», где говорится об одном князе: «Поистине, если и сотворил он какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не стремясь ни к большому владению, ни к большому богатству, но за братню обиду»¹²⁴.

Однако герой Д. Балашова имеет в виду душу именно как духовную сторону человека, которую сознательно «губит» (а не «кладет»), он жертвует своим спасением в вечности. Нетрудно заметить, что подобное понимание «жертвы за други своя» открывает возможность для оправдания любого зла, совершаемого под предлогом высокой цели. Пушкинский Борис Годунов, погубивший царевича Димитрия, в такой интерпретации оказался бы благородным страдальцем, сознательно обречшим себя на кошмары и муки совести...

Конечно, реальный Калита мог быть и грешником, и злодеем. Мог искренне каяться — или, напротив, идти на компромисс с совестью, отыскивая оправдания своим поступкам. Но мог ли православный человек всерьез полагать, что ценой погубления своей души он принесет кому-нибудь какое-либо «благо»?.

После смерти Калиты великим князем Московским становится его сын Симеон. Как и отец, он все силы кладет на объединение и устройство земли. Однако если Иван, совершая преступления, сам расплачивается за них, то Симеон отвечает не только за свои грехи, но и за грехи отца. Как и в «Бремени власти», в «Симеоне Гордом» вновь возникает этический парадокс: преступления, добровольно совершенные человеком ради высшей цели, расцениваются как подвиг. Полярные для христианина понятия сближаются в казуистической формуле: «грех — это крест».

По-видимому эта коллизия волновала самого писателя: он прилагает ее ко все новым и новым историческим персонажам. Сложнейшие проблемы добра и зла, нравственного выбора, власти и совести в цикле Д. Балашова тесно связаны с образами не только властителей мирских, но и владык духовных — митрополитов всея Руси. Ведь именно нравственные вопросы были предметом их повседневной деятельности. Одним из центральных персонажей цикла «Государи Московские» стал московский митрополит Алексей. Из всех церковных деятелей этого периода именно Алексей принимал самое активное участие в государственных делах (в малолетство Дмитрия Донского он был фактическим правителем страны), за что неоднократно подвергался обвинениям со стороны враждебных Москве Твери, Литвы. В то же время по своим убеждениям и образу жизни Алексей был исихаст-нестяжатель, способствовал восстановлению древнего монастырского устава, при котором монахи не имели личной собственности. Писа-

¹²⁴ Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. С. 215.

тельно важно понять, как совмещались в характере этого человека высшие духовные устремления и мирские, «земные» дела и заботы. Как решал он остро стоявшую перед ним проблему цели и средств? В чем видел путь спасения и укрепления Русского государства?

Еще в юности (роман «Великий стол») Алексей задается вопросами: «Что нужно сделать, чтобы земная власть не порывала с путем добра, доброты и справедливости?» «Можно ли благословить преступление?» Все тяжелее становится крест политических забот Алексея — монаха, отрекшегося от мира, но вынужденного постоянно решать запутанные, полные страстей мирские проблемы. И в романе «Симеон Гордый» герой Д. Балашова начинает высказывать мысли, которым невозможно найти аналогии в древнерусской культуре. Например, исповедуя умирающего Калиту, Алексей убеждает кающегося князя: «Утешься, крестный! Господу потребны дела, а не помышления!. То, что сотворил ты в усладу себе, останет на земли, яко труд благопотребный, сущий на пользу гражданам волости твоя». Мысль, что для оправдания человека важнее «дела, а не помышления», конечно, чужда христианскому мировоззрению, согласно которому любой помысел, принятый в сердце, есть уже «дело», за которое человек отвечает по всей строгости. Столь же чужда была ему идея, что важен лишь результат, «полезность» дела, а не те цели и намерения, которыми руководствовался человек. Логика диалога митрополита и князя приводит к выводу: само стремление послужить Родине — это «предерзостное решение», фатально толкающее на «грех». Алексей, призывавший князя к памятованию о «незримом», не сомневается, что посредством греха можно добиться «блага» для страны, и, видимо, сам недалек от мысли душу погубить «ради величия отчей земли».

Не имея возможности подробно проследить, как эти авторские идеи получают развитие в двух следующих книгах романного цикла — «Ветер времени» (1987) и «Отречение» (1988), приведем лишь одну характерную цитату из романа «Отречение», свидетельствующую о том, что автор настаивает на своей парадоксальной трактовке евангельских слов: «Александр Невский многие деяния свои оправдывал единою мерою: “Никто же большей жертвы не имат, аще отдавый душу за други своя”. Но отдать душу — не значит ли впасть в грех непростимый?» В этих романах действительно «губит душу свою» ставший фактическим правителем страны в описываемые годы митрополит Алексей, «взвзавший грех» Ивана Калиты, умножающий его собственными преступлениями и столь же жестоко терзаемый совестью. «Пусть дух мой сойдет в бездну и изгибнет до конечного нетления своего, но сохрани и спаси землю прадедов! Господи!» — повторяет вслед за Калитой и Симеоном уже знакомую молитву высший иерарх Русской Церкви.

Если окинуть взглядом все романы цикла «Государи Московские», то можно заметить, как этот «грех-ради-блага» переходит на новых и новых наследников московского княжеского дома, проникает в души владык ду-

ховных и церковь, прорастает во многие клетки государственного организма (отражаясь в деятельности бояр, тысяцких, воевод) и в перспективе становится как бы уже неотъемлемой чертой самого существа Московской Руси — ведь в основании ее растущего государственного могущества, ее цельности и независимости лежат жертвы злодеяний и неправд властителей и загубленные души самих «государей Московских»...

Такова авторская трактовка нравственного выбора исторических лиц. Но она, как представляется, расходится с русской культурно-исторической традицией. Романист в данном случае, по-видимому, отходит от воплощения свойственного эпохе православного сознания.

Причины такого расхождения станут более ясными, если обратиться к другому нравственному аспекту романного цикла — представлению автора о христианской святости. Ведь одна из центральных этических максим цикла «Государи Московские» — «правитель не может быть святым». Не может потому что он «правитель», потому что его дело — держать меч, «карать и боронить землю». Неправоммерно отождествляя *святость* с *безгрешностью*, полагая, что в мирской жизни достичь святости невозможно, что лишь отшельник способен сохранить душу чистой, Балашов отказывает в святости большинству канонизированных лиц описываемой эпохи. Между тем именно XIV век породил самое большое количество русских святых. Мысль о принципиальной несовместимости святости и мирских дел (особенно государственно-политических) вынуждает Д. Балашова, обычно бережно относящегося к сообщениям источников, порывать с многовековым, традиционным представлением о характере и облике исторического лица и отказывать в духовной высоте не только фигурам действительно спорным (Калита, Симеон Гордый и др.), но и таким лицам (Александр Невский, митрополит Алексий), чья святость утверждается не волей одного агиографа, но всей древнерусской литературой, а также преданием, народным мнением. Внутренним императивом всех этих персонажей становится добровольное «принятие» греха, а не борьба с ним, жертвенное погубление своей души и отказ от покаяния. И только лишь пустынножитель, преподобный Сергей Радонежский, представлен как фигура исключительная, почти мессианская — он единственный подлинный святой, спаситель русской земли.

* * *

Несомненная заслуга Балашова-художника в том, что он ярко, выпукло обрисовал коллизию государственных интересов и личной праведности. Вопросы в книгах Балашова поставлены максимально остро, бескомпромиссно. Они побуждают размышлять, соглашаться или спорить с предложенными ответами, искать пути разрешения этой коллизии, опираясь на тысячелетние православные корни русской цивилизации.